

ОСКОЛКИ ТУРМАЛИНА

АННА ОЛЬХОВСКАЯ

Каменная ведьма

Анна Ольховская
Осколки турмалина

«Анна Ольховская»

2021

Ольховская А.

Осколки турмалина / А. Ольховская — «Анна Ольховская»,
2021 — (Каменная ведьма)

Таня... Вернее, Тэмми, моя старшая сестра, о которой я просто знала, что она есть, но и все на этом. Чужая – вроде бы. И дочери ее – тоже. Но Тэмми убили, ее дочери пропали, затерялись где-то в США. Казалось бы, мне-то какое дело? Но... Есть такой камень – турмалин. Камень один, а вариаций у него десятки. Красный и черный. Зеленый и синий. Лиловый и оранжево-коричневый. Куски этого кристалла могут быть настолько не похожи друг на друга, что ты не заподозишь их в каком-либо родстве. Вот так и с моей семьей. Это не единое целое, это набор совершенно разных элементов, которые каким-то непостижимым образом оказались связаны. И теперь я должна найти эту связь, да поскорее, потому что иначе случится... что-то. Что-то плохое.

© Ольховская А., 2021

© Анна Ольховская, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Ольховская

Осколки турмалина

Пролог

Из газеты «Олд-Оукс Кроникл»

4 октября 2019 года:

«Полиция подтвердила нашей редакции новости, которые в минувшую среду потрясли все сообщество города Олд-Оукс. В своем доме на Фир-Стрит была жестоко убита наша с вами соседка, коллега, мать двух замечательных детей Тэмми Рейнс.

Беспокойство по поводу исчезновения мисс Рейнс выразила ее коллега, Либби Уоллер. Она лично позвонила шерифу и уговорила его проверить, все ли в порядке. Прибывшая к дому полиция обнаружила тело мисс Рейнс в гостиной. Две ее дочери смогли укрыться в чулане и не пострадали, сейчас с ними работают полиция и психологи.

По словам шерифа, мисс Рейнс стала жертвой спонтанного нападения. Как известно, ее дом ближе других располагался к шоссе, в значительном отдалении от соседей. Посреди ночи неизвестный взломал дверь в дом мисс Рейнс, напал на нее и убил, а позже совершил ограбление. Все указывает на то, что действовал он в спешке и девочек обнаружить не смог. После совершения этого чудовищного преступления он покинул Олд-Оукс, полиция подчеркивает: угрозы нет.

Редакция нашей газеты выражает соболезнования дочерям погибшей, Джо и Эмми, и призывает всех читателей молиться за них!»

7 октября 2019 года:

«Некролог на смерть Тэмми Рейнс.

Мы прощаемся с нашей дорогой подругой и сестрой Тэмми Рейнс. Она провела в Олд-Оукс всего пять лет, но смогла коснуться сердца каждого, кто был с ней знаком. Тихая и скромная, Тэмми готова была в любой момент прийти на помощь. Олд-Оукс стал для нее настоящим спасением, она сама не раз говорила об этом. Поэтому теперь вся наша община скорбит о ее участии и надеется, что Тэмми сможет нас простить.

Дата прощания временно неизвестна: по воле дальних родственников мисс Рейнс, тело останется в море. Мы сообщим дату прощания на странице некрологов».

11 октября 2019 года:

«Есть на этой неделе и хорошие новости! Две дочери мисс Тэмми Рейнс покинули больницу, их взяла на воспитание прекрасно известная всем нам семья Фергюсонов. Они заявили, что будут рады давать приют девочкам столько, сколько нужно. А если Джо и Эмми выразят такое желание, Фергюсоны готовы приютить их навсегда.

С девочками уже провел работу психолог. В ту страшную ночь они почти ничего не видели, услышав шум, они сразу же спрятались. По словам психолога, это упростит их возвращение к мирной жизни. Полиция и семья Фергюсонов настоятельно просят не касаться темы трагедии, потрясшей наш город, в присутствии девочек.

Поиски убийцы Тэмми Рейнс продолжаются».

18 октября 2019 года:

«Внимание, розыск!

15 октября дом Фергюсонов покинули и уже не вернулись две дочери мисс Тэмми Рейнс. По словам временных опекунов и полиции, уход девочек был исключительно добровольным. Вероятнее всего, их поведение вызвано судьбой матери. Полиция подчеркивает: никаких оснований подозревать, что сестры были похищены, нет.

Приметы пропавших: Джордан Рейнс – 16 лет, рост – 5 футов 4 дюйма, спортивное телосложение, оливковая кожа, каштановые волосы, зеленые глаза. Эмили Рейнс – 10 лет, рост – 4 фута 8 дюймов, худощавое телосложение, светлая кожа, блондинка, зеленые глаза. Одеты в джинсы и футболки, у Джордан с собой кожаная сумка, у Эмили – тканый рюкзак.

Если вы располагаете любыми сведениями о местонахождении девочек, немедленно свяжитесь с шерифом.

Фергюсоны предполагают, что Джо и Эмми покинули их дом из страха перед тем, что единственная родня, указанная матерью в завещании, может забрать их из Америки. Напомним, родственники Тэмми Рейнс проживают в России и, предположительно, не знакомы с Джо и Эмми.

Девочки объявлены в розыск на территории штата Индиана».

Глава 1

Я смотрю на своего отца и жду, когда у него проснется совесть. Сложно придумать более бездарное занятие. Если эта самая совесть благополучно дрыхла больше шестидесяти лет, с чего бы ей просыпаться сейчас?

Вообще, забавная штука – кровное родство. Оно обязательно должно означать какую-то связь – и определенные обязательства. Вроде как она подразумевает, что ты должен любить – и тебя должны любить. Вы в одной команде, на одной стороне, один за всех и все за одного, эгей! И если ты не можешь соответствовать условиям задачи, с тобой что-то не так, тебе стыдно за то, что ты не любишь...

Но как много на самом деле значат эти три капли общей крови? То, что иногда способен обнаружить лишь тест ДНК, потому что нет ни очевидного сходства, ни общего прошлого, ни хоть каких-то точек соприкосновения? Право наследования дается. Право надеяться на любовь – нет.

Думаю, если бы я сегодня встретила со своим отцом впервые, я бы не почувствовала к нему ничего, кроме неприязни. Но это не про меня. Он все-таки был в моей жизни – участвовал более-менее активно, хотя на роль образцового папаши не тянет. В любом случае, этого оказалось достаточно, чтобы во мне проснулась та безусловная любовь, на которую способны только дети. Она не исчезла и теперь, хотя ее уже сдерживает опыт взрослой женщины, умеющей здраво оценивать поступки людей. Проще говоря, я люблю своего отца – но я его не оправдываю.

Первые пять лет моей жизни он мелькал рядом со мной довольно часто. Не каждый день, конечно, он работал организатором концертов и с удовольствием разъезжал по просторам нашей совсем не маленькой Родины. Зато возвращался он всегда веселый, довольный жизнью и с подарками, что являло собой приятный контраст рядом с моей матушкой, которая то и дело ныряла в аристократическую хандру. Почему папа так весел после своих поездок и почему это злит маму – я тогда еще не понимала.

Мой отец был не из тех, кто озадачивает себя сменой пеленок ребенку, поиском лекарства, когда режутся зубки, и украдкой напетыми колыбельными. Да и мама редко этим озадачивалась, без зазрений спихнув свои обязанности на сестру. Истинный азарт в папане проснулся, когда я стала более-менее похожей на человека, а значит, забавной. Он гулял со мной, играл со мной, показывал своим друзьям, но все это не помешало ему ускакать в закат, когда они с матушкой наконец развелись.

И вот что я вам скажу: пятилетний ребенок при разводе родителей не знает, что он ни в чем не виноват. Сколько бы ему ни говорили, он будет считать, что близкий человек перестал появляться рядом исключительно из-за него. Потому что ребенок что-то сделал не так: не убрал за собой игрушки, не заправил кровать, не доел кашу... И все – папы больше не будет. Папе не нужен такой чумазый ленивец, и ты можешь хоть всю ночь рыдать в подушку, это ничего не изменит. Матушка, перебрав винца, еще и подливала масла в огонь, когда заплетающимся языком вещала: папашка твой тебя не любит! Она думала, что обвиняет его, и не понимала, что всю вину я буду брать на себя.

В следующий раз папаня нарисовался лишь через три года. Не знаю, что ему куда стукнуло. Может, было бы лучше, если бы не приходил, потому что он не умел надолго задерживаться на одном месте, ему было скучно. Каждый раз я надеялась, что уж теперь-то я смогу его впечатлить – и каждый раз все заканчивалось одинаково. Мне потребовались годы, чтобы понять: от меня вообще ничего не зависит, а мои попытки впечатлить его он даже не замечает.

Не могу сказать, что это прям такой полезный опыт, от которого я бы никогда в жизни не отказалась. Но раз уж мне достались именно такие родители, я приняла это и научилась видеть отца таким, какой он есть. То есть, раздолбаем.

Вот только то, что я узнавала сейчас, выходило за пределы поведения типичного раздолбая. Это было... низко. Подлю. Открывать подобное в человеке, которого ты любишь, вовсе не легче, чем в незнакомце. Да сложнее, что душой кривить! Я не могла поверить, что мой отец способен на такое. Я – это наполовину он, а я не способна. Или мне просто досталась хорошая половина?

Отца в этой ситуации не оправдывает ничего, но в глаза он мне не смотрит. Не думаю, что он сожалеет. Если бы действительно сожалел, полетел бы в США, роняя тапки, а не пытался бы перекинуть это на меня.

– Понимаешь, я был очень молод, – говорит он и нервно крутит в руках чашку с остывшим чаем. – Это было импульсивное решение, я не до конца понимал, что делаю...

Ерунда, а не оправдание. Вообще ничего не значит, потому что опровергнуть его – раз плюнуть. Начать хотя бы с того, что он был не так уж молод, когда я родилась, ему было за тридцать, а в ту пору – точно больше двадцати. Он должен был понимать, что делает! Ему просто не хотелось понимать, вот и все.

Нет, я всегда знала, что у отца была другая семья раньше. Моя маменька – тоже человек не особо зрелый и сдержанный. После развода она пользовалась любым случаем принизить отца в моих глазах, доказать, что это он в семье главный гад, а она – белая и пушистая. Поэтому она обрушивала на собственную дочь то, что мне в том возрасте слышать не следовало.

То, что папенька ныне называл ошибкой молодости, в прошлом было попыткой проскочить на халяву, улучшить жилищные условия, ничего для этого не делая. С годами он поднапорел в этом сомнительном искусстве, а тогда еще хватался за каждую возможность и делал глупые ошибки.

Он еще в старших классах школы начал переписываться с бывшей одноклассницей, семья которой эмигрировала в Канаду. Пока батя получал базовое советское образование, ее родители проходили через все круги ада, которые ждут чужаков в незнакомой стране. Но они оказались не из робкого десятка, сумели пробыться, наладить приличную жизнь. Маленький иностранный рай с домиком, купленным в ипотеку до конца жизни, двумя машинками, пусть и подержанными, собственным задним двором, на котором по выходным можно было делать барбекю. Красота же!

Про эту красоту юная Алиса, взявшая в Канаде имя Алексис, чтобы не привлекать внимание к непрестижному советскому происхождению, не только писала папане, она еще присылала целые пачки фотографий. А он тогда жил тесно, бедно, временами даже голодно. Понятно, почему он прельстился на собственную машину и барбекю!

Мне сложно сказать, зачем это нужно было Алексис. Я знаю ее только со слов отца, а это не самый надежный источник. Мне остается лишь предположить, что она была влюблена в него еще до того, как покинула страну. А может, канадские парни ей совсем уж не нравились. Да и папенька мой – весьма конкурентоспособный игрок на рынке отношений. Чтобы понять, что он – раздолбай, с ним нужно пообщаться, зато производить первое впечатление он умеет. Красивый, улыбчивый, обаятельный – мечта просто!

Когда он окончил школу, Алексис пригласила его к себе. Думаю, сначала ее родители отнеслись к этой затее скептически: они-то надеялись, что она укрепит позиции семьи, объединившись с местным, а она «выписала» себе советского мальчика, едва знающего английский!

Но папенька быстро развернул их мнение на сто восемьдесят градусов. Скоро он был уже «любимый Гришенька», которого всем хотелось оставить при себе. Ну что эти канадцы? Такие жадные, такие расчетливые – фи! То ли дело простой русский парень: и ромашек нарвет, и стишок под луной прочитает.

Однако вскоре после свадьбы выяснилось, что стишки и ромашки – это конек моего отца. Полезных в хозяйстве качеств у него не так уж много. Готовка, уборка – это все не мужские дела. Правда, оставалось непонятно, что же у него тогда мужское дело, ведь зарабатывать он тоже толком не умел. Сначала сетовал на незнание языка, и новоиспеченные родственники определили его в вечернюю школу. Потом ему пришлось изобразить хоть какую-то деятельность, ведь в семье возникали скучные, пусть и оправданные вопросы: а какого черта здоровый лоб сутками валяется на диване?

Тут надо понимать, что эмигрантская доля на обетованной земле Канады – это не всегда праздник. Это чаще не праздник. Никто (почему-то, вот удивительно!) не спешил предлагать папеньке должность президента нефтяной компании. Его готовы были принять продавцом, уборщиком, механиком, в крайнем случае – учителем русского языка. Он возмущался тем, что «чертовы канадцы» не в состоянии оценить его таланты, не делая скидку на то, что талантов как таковых у него и не было.

Вскоре он пришел к парадоксальному выводу: а дома-то, оказывается, лучше! Там можно зарабатывать деньги, ничего особо не делая. Пошутил с одним нужным человеком, выпил с другим – и вот тебя уже вписали в платежку. Великий комбинатор, хотя до Остапа Бендера не дотягивал. Так что он уже тоскливо посматривал в сторону востока.

Алексис пришла к собственному парадоксальному выводу: иногда без мужика лучше, чем с мужиком. КПД тот же, но хоть диван свободен. Судя по описанию моего папеньки, она была жуткой истеричкой. Со скидкой на его предвзятость, предположу, что она была достаточно нервной. Рубила с плеча, не задумываясь о последствиях. Примерно такой характер нужен, чтобы выставить мужа вон вскоре после рождения дочери.

Не знаю, как она вообще решилась на рождение ребенка. Там же с первых дней было ясно, что помощи от мужа ждать не приходится! Или она надеялась, что он изменится? Давняя женская мечта. Мол, это раньше он чудик незрелый был, а увидит своего ребеночка – и проснется в нем отцовский инстинкт, а вместе с ним и разум с совестью.

Но спячка полезных качеств папани продолжилась (и продолжается по сей день). Когда его выставили вон, он обрадовался сильнее, чем родственники. Вроде как ему дали карт-бланш! Теперь он мог ехать куда угодно и делать что угодно, не заботясь о последствиях. Алексис сама его выгнала, он теперь униженный и оскорбленный!

В тот день он последний раз увидел свою дочь – маленькую Танечку. Больше он никак ее судьбой не интересовался. Денег не давал – Алексис ведь живет в Канаде, там все богаче, да и вообще, из Союза деньги не отправляются! Он однажды написал туда, в заброшенное семейное гнездо. Но в ответ он получил сообщение, что Алексис вышла замуж и просит ее не беспокоить. Так что он и писать перестал.

Ха, а я думала, мне от папани мало досталось! Но меня он хотя бы иногда навещал, поддерживал деньгами, гулял со мной. Думаю, даже любил – надеюсь на это. Я была ближе, он стал старше. Обстоятельства сложились благоприятно, чтобы любить меня. Тане повезло не так сильно.

Хотя в детстве я этого не понимала. Маменька, в своих крестовых походах против бывшего мужа, могла бросить фразу вроде «Папа тебя не навещает, потому что у него другая дочка!» Вроде и взрослая тетка, а вела себя, как мелкий школьный хулиган. Она не понимала, каким ядом становились для меня мысли, принесенные ее словами. Я жутко ревновала отца к неизвестной мне старшей сестре. Да я почти ненавидела ее – примитивной и глупой детской ненавистью. Я считала, что из-за нее папочка бросил меня, а он бросил нас обеих.

Он позволил себе забыть про Таню, но вину за это переложил на других. У него был целый список: Алексис, ее новый муж, ее родители, даже моя мать, которая была против его общения с первой семьей. Он бы хотел, да не сложилось, и политика, и ветер встречный... Ну, вы поняли. Человек, который не хочет что-то делать, найдет тысячу оправданий.

Теперь я сидела перед ним в кафе, выслушивала все это и пыталась понять, как мне реагировать. Детская любовь подталкивает к прощению, но не к абсолютному же! Да и потом, ему не было нужно мое прощение. Ему нужна была услуга.

Где-то там, за океаном, выросшая Танечка умерла. Причем не в Канаде, а в США. И звалась она уже не Таня Муравьева, а Тэмми Рейнс. Когда, как и почему произошли эти перемены – папенька не знал. Отец года.

А вот Таня о нем помнила. Он бы вообще не узнал о ее смерти, если бы она не указала его имя в своем завещании. Так что ему как снег на голову свалилась дочь, которую нужно хоронить, и две внучки, которых нужно воспитывать.

Тут он и запаниковал, начал мельтешить и носиться, как курица с отрубленной головой. Он-то привык к тому, что он вечно молодой в свои шестьдесят плюс, а он оказывается – дед! Уж шестнадцать лет как дед. Но внучки ему нужны даже меньше, чем дочери (если такое возможно). У него жена младше меня, ну какой из него дед?

То есть, необходимость взять на воспитание двух маленьких девочек, у которых больше никого в мире нет, расстроила его сильнее, чем известие о смерти родной дочери. Отказаться он вроде как не мог, люди не поймут. Ему всегда было очень важно, что скажут люди. Но и брать детей на воспитание ему отчаянно не хотелось. Пройдет не меньше двух лет, прежде чем он сумеет выставить их вон!

Пока он метался по советчикам, просчитывая, что можно сделать, проблема решилась сама собой. Девочки пропали. Судя по тому, что ему сообщили, сбежали куда-то из временной приемной семьи. Отец для приличия обругал американцев, сделав вид, что он страшно расстроен. Но в глубине души, думаю, он испытал облегчение, хотя не признался бы в этом никому, даже себе.

Это не избавило его от всех неприятных обязанностей: с телом Тани нужно было что-то делать. И вот тут ему хватило наглости втянуть в эту историю меня.

– Понимаешь, Ио, детка, я не могу – я болею...

Он действительно болел, это видно. Обычно-то он розовощекий и бодренький, а тут побледнел, глаза красные, носом шмыгает постоянно... Вот только это не пневмония, о которой он заливал мне в самом начале. Это самая обычная осенняя простуда, максимум – грипп. И это уж точно не повод, чтобы бросить свою родную дочь в такой момент!

Но папенька видел мир иначе, всегда. Сейчас он напоминал мне школьника, который засовывает градусник в батарею, чтобы мама позволила ему не ходить в школу. Совсем уж отказаться от Тани он не мог – все то же «что люди скажут» мешало. Поэтому он создавал себе уважительную причину, чтобы не ехать за ней. А чтобы изобразить заботливого отца, разделил ответственность со мной, хотя не имел на это никакого права. Вроде как он не сразу сдался, он еще подергался, пытаясь найти способ вернуть дочурку на родную землю, которая для нее ничего не значила.

Думаю, он был готов к тому, что не втянет меня в это. С чего бы мне соглашаться? Таня всегда была для меня лишь именем. Слова «старшая сестра» в моем мире так и не обрели истинный смысл – это к вопросам о кровном родстве. Она же вообще могла не знать обо мне, последний раз папенька предпринимал жалкую попытку написать ей задолго до моего рождения. Она мне – никто, ее дочери – тоже, общая кровь вообще ничего не значит!

Или все-таки значит?

Сначала я отреагировала предсказуемо: обругала папеньку словами, которые были уменьшением его истинной сути, и бросила трубку. Я готовилась забыть, я дала себе на это право, но забыть почему-то не могла. Мне казалось, что неизвестная мне старшая сестра зовет меня из могилы, словно прощения просит. И ее дочери... Каково им там сейчас? Судя по тем скудным данным, что сообщили папеньке, у них больше никого нет. Совсем одни – сразу после

смерти матери! Да еще и сбежали... Что они чувствуют сейчас? Что будет, если никто так и не придет за ними?

Папенька так точно не придет. Я уже чувствовала: он готов был сослаться на врачей, якобы пророчащих ему пневмонию, и позволить закопать Таню там, где ее нашли. Что же до его внучек... Он мог их принять, если их найдут. Если не найдут... Такова судьба! Фаталистом быть очень удобно.

Так и получилось, что, нравится мне это или нет, все теперь зависело от меня.

– Я оплачу дорогу, – убеждал меня папенька, почувствовав слабинку. – И твой перелет, и доставку... Тани. Я все оплачу!

Это он мог. Умение вертеться и приспособливаться далеко его завело, сейчас он очень хорошо зарабатывал. Возможно, где-то здесь и кроется секрет того, что его жене двадцать девять лет, но мое какое дело?

– Оплатишь, – кивнула я. Я не собиралась позволять ему выйти сухим из воды. – Это если я поеду. А я еще не решила! Что тебе известно о ее убийстве?

– Почти ничего... Но там никому почти ничего не известно! Насколько я понял, это было ограбление. Ее дом стоит на окраине, поэтому кто-то вломился к ней посреди ночи. Это все, что я знаю...

Это все, что он хочет знать. Думаю, за столько дней после трагедии полиция уже выяснила немало деталей. Но папеньке и в голову не придет уточнить, что да как. Зачем? Он верит, что расследованием должны заниматься профессионалы!

Мне бы тоже стоило в это верить, воспринимать все на бытовательском уровне и не задавать лишних вопросов. Но почему-то уже не получается. Нельзя сказать, что после единственного успешного расследования я стала считать себя настоящим детективом – я от этого крайне далека. И все же тот опыт стал чертовски полезным. Он научил меня думать по-другому, анализировать, ничего не принимать на веру.

А тут история получается очень уж рваная! В тихом провинциальном городке вдруг, внезапно, появился какой-то псих, ворвался в дом, убил хозяйку и растворился в ночи. А Таня что, не знала, что живет на окраине? Двери нормальные не поставила? Не понимала, как обеспечить собственную безопасность? Да ну, бред. Она одна воспитывала двух девочек, она должна была заботиться и о себе, и о них!

По девочкам тоже есть вопросы. В их дом ворвался абсолютный псих, и чувствовал он себя вполне комфортно: успел забрать все ценное, провел полноценный обыск, однако почему-то не нашел еще двух жертв. Папеньке сказали, что сестры прятались то ли в чулане, то ли в стенном шкафу. Но что это за место такое чудесное, если при тщательном обыске преступник их не нашел? Да еще их побег после всего, что случилось... Заставляет задуматься о том, была ли смерть их матери такой уж случайной, как нам пытаются показать.

Я понимала, что, скорее всего, никогда не получу ответов на эти вопросы. Но если я просто отмахнусь от них, они мне всю печень выключают. Я должна была отправиться туда, в неизвестный мне городок, к неизвестной женщине, чтобы все осмотреть лично. Только так моя совесть будет относительно спокойна.

– Я поеду, – твердо заявила я. – Но ты будешь помогать мне во всем, и условия диктую я.

– Конечно, что угодно, – согласился папенька и тут же поспешно добавил: – Только вот с тобой я поехать никак не могу! Извини, родная, но ты же знаешь, что врачи говорят...

Ага, знаю. А еще я знаю, что у него есть молодая жена, крепкая здоровая деваха, которая вполне может отправиться за океан. Ей, в отличие от меня, даже отпуск брать не придется – она нигде не работает! Но папенька делает вид, будто ее это вообще не касается, хотя по документам она – бабушка пропавшим девочкам и мачеха погибшей Тани. Мачеха на пятнадцать лет младше падчерицы. Падчерица годится в матери мачехе. Многие люди могут назвать свою семью странной, но моя, по-моему, бьет все рекорды.

Я не стала напоминать отцу, что у него есть трудоспособная спутница жизни. Это ничего не изменит, он просто напряжет фантазию и придумает, почему она не может поехать. Поэтому я предпочла сосредоточиться на том, что касалось лично меня и этого путешествия.

– Свяжись с тем человеком, который сообщил тебе о смерти Тани, и сообщи ему, что я еду.

– Тэмми, – поправил отец. – Она звала себя Тэмми Рейнс. Тебя вряд ли поймут, если ты назовешь ее Таней. Кажется, никто там даже не догадывался, что она – русская, пока не стало известно о завещании.

Ну а с чего бы ей быть русской, если родной отец отнял у нее такую возможность? Она родилась в Канаде, потом каким-то образом попала в США. Но что-то же она о своем происхождении знала, раз не забыла имя отца...

– Я решаю, сколько я буду там находиться, – продолжила я. – Твоя задача – просто оплачивать мне отель.

– Нет, ну ты тоже там не увлекайся...

– Или поедешь сам! Да не бойся, не думаю, что в той дыре, где она жила, найдется «Хилтон».

– Мне денег не жалко, ты не подумай, я за тебя волнуюсь!

– С каких пор? – поразилась я.

– Мне очень неловко втягивать тебя в эту историю, правда! Я не хочу, чтобы ты погружалась в нее слишком глубоко...

– Кто-то же должен. Все, мне пора, остальное по телефону сообщу.

Мне и правда нужно было спешить, из-за папеньки дело затянулось. После смерти Тэмми прошло уже две недели, не хватало еще, чтобы американцы махнули рукой на завещание и похоронили ее на собственном кладбище! Тогда ее домой не вернуть.

Да и потом, чем больше времени проходит после преступления, тем сложнее отыскать улики, тем меньше шансы, что преступника когда-нибудь поймают... Но об этом мне, конечно же, задумываться не стоит.

Глава 2

Возможно, кто-то считает подготовку к долгому и трудному путешествию приятными хлопотами. Может, даже наслаждается процессом – есть такие люди? Но для меня это всегда период хаоса, сравнимый с петардой, попавшей в большой лесной муравейник. Порядок нарушен, все куда-то бегут, а сделать нужно больше, чем я физически способна!

Первое – это, понятное дело, работа. То, что я работаю сама на себя, не сильно облегчает мне задачу. У меня визиты клиенток на полгода вперед расписаны! А теперь нужно каждой позвонить, извиниться, перенести... При том, что совсем недавно я брала отпуск. Ведьму, как волка, ноги кормят, и мне нужно стараться, чтобы поддерживать комфортный для жизни режим. Сейчас все сложилось идеально для работы: я получила отличную рекламу, о которой не просила, моя репутация – выше облаков, я на коне. Но долго ли это продлится, если я буду бегать от своих клиенток? Меня забудут быстрее, чем можно представить.

Да и вопрос денег актуален как никогда. Проблем с заработком последние годы у меня нет, но во время своего неожиданного расследования я потратила куда больше, чем планировала. Я думала, что наверстаю до Нового года, и тут мне на голову свалился папаня со всей этой мутной историей! То, что он оплатит поездку, облегчало мне жизнь, но не сильно. Мне и после поездки как-то выживать надо!

Так что я сама себе выдала две недели. Это максимум простоя, который я могу себе позволить. Если я задержусь на другой стороне океана еще дольше... Нет, лучше об этом и не думать.

Важное дело номер два – обеспечить сохранность квартиры и кабинета. И там, и там у меня есть комнатные растения, которые не любят оставаться без воды. Да и в целом, какого-то контроля за безопасностью хотелось бы! Пришлось привлечь к этому бывшего и лучшую подругу.

Вася все принял с философским спокойствием. Посочувствовал мне, но не пытался отговорить. Он верил, что я уже достаточно взрослая, чтобы принимать собственные решения, и обязался поливать герань с кактусами. Вот если скажу кому, что у меня такие отношения с бывшим, – не поверят. А если поверят – назовут душой за то, что позволила ему стать бывшим. Поэтому я на эту тему особо не распространяюсь.

С Ксюхой, моей лучшей подругой, все было предсказуемо сложнее. Она-то согласилась помочь, но без нотации дело не обошлось. Она даже не поленилась приехать ко мне домой в вечер перед отлетом. Она сидела на подоконнике, наблюдала, как я пытаюсь запихать в один маленький чемодан половину своего имущества, и не замолкала ни на минуту.

– Ты ведь знаешь, что имеешь полное право отказаться? Это все серьезней, чем ты предполагаешь... Это огромный стресс!

– Да, я догадывалась, что смерть моей сестры и две осиротевшие девочки – так себе тема для шуток.

– Вечно ты думаешь о других... А о тебе кто подумает? Кто тебя защитит? Это твой отец должен делать, а не наоборот!

– Да, но мы обе знаем, что он этого не сделает, – указала я. – Традиции игнорировать мои проблемы уже больше четверти века, не думаю, что он когда-либо ее нарушит. Я это сделаю и для себя тоже. Я могла бы остаться в стороне, только если бы не знала обо всем этом. Но теперь-то я знаю!

– Ты уж меня прости, но твой папа – свинота!

– Думаю, он сочтет это за комплимент.

– Так ты намерена найти девочек?.. Ио, куда ты пихаешь этот белый свитер, он тебе точно не понадобится!

Мне половина всего, что я с собой тащу, не понадобится, но так я справляюсь со стрессом. Привычные вещи дарят иллюзию, что я смогу спрятаться за ними.

– Не знаю я насчет девочек, – вздохнула я. – Если бы они просто ждали там, я бы забрала их с собой.

– К себе?

– К отцу! Пусть хоть раз полноценно исполнит эту роль. Увы, просто забрать их не получится, их по-прежнему ищут.

– Но лично ты этого делать не будешь? – допытывалась Ксения.

– Да я просто не знаю, как! Я ничего о том месте не знаю.

Я, конечно, не в деревне за сараем росла, о США знала – и не так уж мало. Но это теоретическое знание оказалось не особо ценным. Оно мало сообщало мне о жизни маленького городка, затерянного в лесах Индианы. Можно сказать, что я заходила в абсолютно темную комнату – да еще и с завязанными глазами.

В этом отношении не так уж плохо, что подготовка к полету отнимает все мое время. Я даже не успеваю толком подумать о том, какую глупость я готовлюсь сделать – и насколько это на самом деле опасно.

– Ну а *он* знает, что ты намерена делать? – спросила Ксения уже чуть тише и спокойней.

По тому, как она произнесла это «он», можно было догадаться, о ком речь. Да и то, что она затихла, служило намеком. Знает ведь, что ступила на опасную территорию, но любопытство сгубило кошку – да и не одну.

Мне не хотелось отвечать, но я не нашла ни одной причины не ответить.

– Знает.

– И?

– И ничего. Я ему рассказала, он в курсе. Почему он должен как-то реагировать?

– Не знаю... Мне казалось, что он тебя точно не отпустит, это я с тобой нянчусь!

– Как видишь, отпустил.

Наши с Владом Лариным отношения всегда напоминали американские горки, это мне даже в самом оптимистичном настроении придется признать. Сначала – лучший друг, можно сказать, брат, куда более близкий мне, чем моя кровная сестра. Потом – никто, потому что сложно оставаться кем-то для девушки старшего брата. Слишком сложно, слишком много сплетен. Потом – снова друг и почти любовник, и все могло бы сложиться, если бы не обстоятельства, которые вечно влезают в самый неподходящий момент. И снова никто, затерянный где-то в других странах и других мирах.

Теперь вот, кажется, снова друг. Ценой моих невероятных усилий, между прочим! Но так и должно быть, я когда-то сильно его обидела. Он спас мне жизнь, когда мое импровизированное расследование вышло из-под контроля, и я с готовностью восприняла это как знак свыше (кое в чем я вся в отца). Мы с Владом снова начали видеться, но – исключительно как друзья. Совместные бизнес-ланчи. Редкие прогулки, если у нас мистическим образом совпали графики. Звонки – только в то время, когда дети не спят. Некие глобальные, безымянные дети, потому что своих детей нет ни у одного из нас.

Я знала, что даже такие невинные отношения бесят как минимум половину его семьи. Его матушка, у которой на жизнь Влада свои планы, будет молиться, чтобы самолет вместе со мной рухнул в Атлантический океан. Это было бы идеально: тогда даже могила не напоминала бы ему обо мне.

Не думаю, что она верит в невинную детскую дружбу между мужчиной и женщиной, которых как минимум в прошлом тянуло друг к другу. Она считает, что я хочу большего. Я тоже так считаю, просто не распространяюсь об этом.

В этом плане, известие о моем отлете в Америку должно было стать своего рода тестом. Насколько далеко зашли наши отношения? Куда они вообще движутся? Если бы Влад хотя

бы подумывал о том, чтобы выйти за пределы дружеского целибата, он бы наверняка попытался отговорить меня от рискованной поездки. А в идеале, как истинный принц, вызвался бы сопровождать меня.

Но Влад отнесся к новости спокойно – насколько это позволяла ситуация. Он выразил мне соболезнования. У него великолепное образование, он обучен этикету так, что вмиг придумывает соболезнования, достойные речи президента. Причем ты никогда не поймешь, искренне он говорит или нет.

Никаких опасений за мою дальнейшую судьбу он не высказал. Не было того заветного «Ию, я с тобой, я тебя одну никуда не отпущу!», о котором я, скажу честно, мечтала с наивностью влюбленной дурочки. Хочешь ехать – езжай. Да и почему должно быть иначе? Я свой шанс упустила, это нужно признать, а девочка, которую ему присмотрела мать, не так уж плоха.

Так что на следующее утро я отправилась в аэропорт на такси – одна. Отцу и в голову не пришло подвезти меня. Ему казалось, что его обязательства выполнены в момент, когда он выдал мне денег на такси. Как будто это одно и то же – поездка на такси и то, что кто-то хочет лично тебя проводить! Ксюха рвалась помочь, однако на это я согласиться не могла. Это в прошлом мы с ней могли сорваться куда угодно и когда угодно. Теперь она, в отличие от меня, живет правильно, у нее муж и маленький ребенок, это влияет на график.

Нельзя сказать, что я боюсь полетов. Но и я не защищена от всего: диплом психотерапевта не дает тебе никаких преимуществ, ты просто поименно знаешь всех своих тараканов. Так что накануне вылета память начала издевательски подсовывать мне всю известную информацию об авиакатастрофах. Я не пыталась найти в этом нечто мистическое. Я прекрасно знала, что страх перед путешествием – это совместное творчество подсознания и инстинктов. Зачем куда-то лететь, если и здесь хорошо? Сиди на месте и эволюционируй! Повадилась тут...

Так что я спокойно принимала даже самые жуткие картинки, на которые была способна моя фантазия, и напоминала, что статистика на моей стороне. Авиакатастрофы привлекают к себе столько внимания, потому что они масштабны. На дорогах трагедий куда больше, но мы к ним привыкаем и перестаем замечать – психологическая реакция такая. Я не собиралась впадать в истерику накануне путешествия, которому предстояло длиться целый день.

Перелет с одного континента на другой – так себе удовольствие. Сидишь в не самом удобном кресле, слушаешь, как орут чужие дети и ругаются (поочередно) почти все, кто тебя окружает. Смотришь фильмы, на которые при иных обстоятельствах и внимания бы не обратила. Воспринимаешь еду как событие. Я слышала, как некоторые мои соседи по самолету капризничают, упражняясь в остроумии на тему того, что нам привезли. У меня таких проблем нет. Я ходила в столовую постсоветской школы, меня сложно запугать курицей с недостаточным количеством приправ или водянистым пюре.

В раздражающей монотонности полета, как ни странно, очень легко раствориться. Позволить времени проплывать мимо тебя, пока ты пересекаешь часовые пояса. Ворчать на сухой воздух салона, от которого раздражаются глаза, и за этой придуманной ерундой укрыться от настоящих бед. В какой-то момент и я чуть не позволила себе расслабиться, быть как все и сделать вид, что я – простая туристка.

Но мне так нельзя. Поэтому я использовала вынужденную паузу, чтобы подумать о случившемся. Я рассматривала фотографии, которые переслал мне отец. Я уже видела их раньше, а сейчас решила освежить в памяти – я приближалась к пункту назначения.

Моя неведомая старшая сестра была очень красивой от природы. В ней узнавались черты отца, хотя нельзя сказать, что она была очень похожа на него – или на меня. Но, думаю, если бы мы однажды оказались рядом, несложно было бы поверить, что мы – сестры. Мне так и не доведется узнать наверняка.

Ей достались кошачьи черты лица – большие глаза необычной, чуть раскосой формы, высокие скулы, большой рот, который был бы недостатком, если бы не прямо-таки совершен-

ная линия губ. Думаю, у Тэмми были бы все шансы стать моделью, если бы она захотела этого. Но она по какой-то причине выбрала другой путь и запустила себя. На последних своих фотографиях она выглядела по меньшей мере неряшливо. В бродягу еще не превратилась – но подошла к этому опасно близко.

Ее точеные черты расплылись и обвисли. За это нельзя было винить один лишь возраст. Тэмми обрела ту одутловатую, нездоровую внешность, которая присуща всем алкоголикам мира. В скупой информации, переданной отцу, ничего не было сказано о ее вредных привычках, но я готова была спорить на что угодно, что моя сестра прикладывалась к бутылке намного чаще, чем следовало бы. Она не красилась, не выщипывала брови, среди ее медовых волос уже в сорок четыре года вилась паутина ранней седины. Я не говорю, что каждая женщина обязана красить волосы или заниматься бровями. Просто раньше Тэмми это, похоже, делала, а потом перестала. Почему и когда – сложно сказать. Фотографий из этого далекого «раньше» сохранилось очень мало.

Может, на себя Тэмми махнула рукой, а вот дочерям старалась дать все самое лучшее. Они обе были очень похожи на нее, только одна – шатенка, другая – фарфоровая блондинка. Как будто три версии одной и той же женщины! И никаких указаний на отца девочек. Я даже не смогла выяснить, один у них отец или разные.

Заметила я и еще одну весьма любопытную деталь. Младшая девочка, Эмили, выглядела жизнерадостной и открытой миру. На каждом фото улыбается так, будто хочет всем показать безупречную работу своего стоматолога. Глаза сияют, она ничего не боится и готова попробовать все, что угодно. Привет, мир, я иду к тебе!

Ее сестра совсем не такая. Джордан улыбается, но сдержанно. Только потому, что в определенных ситуациях нужно улыбаться, так принято, однако не потому что ей хочется. Губы почти никогда не размыкает. Взгляд умный, настороженный. Слишком взрослый для шестнадцати лет.

Возможно, все дело в том, что она – подросток, а ее сестра – совсем ребенок. У подростков вечно какие-то нелады с миром. Но мне почему-то кажется, что здесь все намного сложнее. Как будто Джордан известна какая-то тайна, которую знала и ее мать, а вот маленькой Эмили ничего не сказали, чтобы защитить ее. Или я слишком много придумываю?

Интересно, говорят ли эти дети по-русски?..

Самолет, белый с голубым дракон двадцать первого века, притащил меня в Нью-Йорк. Мне в Нью-Йорк не надо, но перевозчик решил иначе. Билеты я заказывала в последний момент, выбор тут не так уж велик.

Мои соседи по салону радовались вновь обретенной свободе, они спешили за багажом, а потом – к воротам, туда, где их кто-то ждет, а небо снова над ними, а не вокруг них. Мне же предстояло потерять пару часов в гудящем, как улей, аэропорту, чтобы снова сесть в консервную банку и дышать очищенным воздухом, ожидая, когда же я попаду в Индиану.

Сами американцы очень любят придумывать своим штатам негласные названия. Так вот, Индиана зовется «штатом верзил». Не слишком многообещающе. Ну а что делать?

В итоге я попадаю в Форт-Уэйн. Считается, что это крупный город, но в аэропорту я начинаю подозревать, что не очень. Это я просто с Нью-Йорком сравниваю. Не то место, где я оказалась бы добровольно, так ведь я в Штатах не на экскурсии!

– Цель визита? – спрашивают меня на паспортном контроле. Все по-взрослому.

Забрать труп сестры, которую я никогда не знала и уже не узнаю.

Но сказать об этом я не могу, да никого здесь и не интересуют мои проблемы. Им просто важно убедиться, что я им страну за время своего визита не испорчу. Поэтому я со сдержанной улыбкой говорю:

– Дела. Я по приглашению.

Приглашение у меня действительно есть, и его проверяют. Я продолжаю улыбаться. Тут страна такая – все улыбаются. Не потому что безмятежно веселье, просто так принято. Мне удачно удается скрыть то, что я с ног валяюсь от усталости. Странно, да? Большую часть этих суток я ничего не делала, просто сидела на месте. Но устала я так, словно пробежала марафон.

Наконец местные решают, что особой угрозы я не представляю, и аэропорт выплевывает меня в холодные осенние сумерки. Мне кажется, я была в пути год. Часы, проведенные в закрытом пространстве самолета, чуть-чуть помогают, связь с привычным временем суток разорвана сама собой. Но я бы все равно не стала продолжать путешествие, если бы все зависело только от меня. У меня не было сил искать автобус, чтобы ехать в ту дыру, которую Тэмми выбрала своим последним пристанищем. Я бы доползла до ближайшего отеля – и не дальше.

Но здесь я получила неожиданную помощь. Впрочем, неожиданной она была только в Москве, когда мне впервые сообщили, что она будет. До Форт-Уэйна я добралась уже с определенными ожиданиями.

Все переговоры с моим отцом вел священник городка Олд-Оукс, где и умерла Тэмми. Именно ему она оставила завещание, он стал последним исполнителем ее воли. Он вызвался встретить меня, когда узнал, что я лечу в США.

Я была благодарна – и несколько насторожена. Нельзя равнодушно отнестись к тому, что это дело ведет священник, да еще и непонятно, какой конфессии. Что если он мне проповедь устроит? Или начнет отчитывать меня за грехи отца? Я и без того была в уязвимом положении, мне не хотелось бы ехать в одной машине с человеком, который рассматривает сожжение меня на костре как вполне годный вариант.

Но все оказалось не так страшно. Меня встречал не фанатик с пылающим взглядом и не строгий монах в потрепанной хламиде. Он и на священника-то не был похож! Скорее, на уставшего от жизни бухгалтера лет шестидесяти пяти в поношенном, но опрятном костюме. Мне важнее был его доброжелательный взгляд, а узор морщинок на лице намекал, что этот человек часто улыбается и не стремится скрыть свои эмоции.

– Здравствуйте! Вы, должно быть, Лана?

По телефону я представилась Ланой, потому что не надеялась, что он запомнит или хотя бы правильно произнесет «Иоланта». Так что, должно быть, это я.

– Она самая. Мистер Хэгроув?

– Зовите меня отец Джозеф, прошу!

Я-то, конечно, буду его так звать, если ему очень хочется, но сложно сказать, уменьшает такое обращение дистанцию между нами или увеличивает ее.

Он с легкостью, удивительной в его возрасте, подхватил мои чемоданы и понес их к старому «Форду», цвет которого сложно было различить в темноте. Просто какой-то светленький, а какой именно – утро покажет.

– До Олд-Оукс путь неблизкий, не меньше пяти часов, – предупредил он. – Если погода плохая, то и дольше, но нам с погодой повезло. Вы можете поспать на заднем сидении.

Вот уж нет. Я ему доверяю, потому что это сейчас нужно. Но спать в его машине сразу же после знакомства мне как-то не хочется.

– Я не устала, в самолете выспалась, – соврала я. Кажется, получилось убедительно. – Должна признаться, мне несколько неловко, что вы проделали из-за меня такой путь – дважды!

– Не стоит даже думать об этом! Я должен вашей сестре... Мертвым наши долги не нужны, но иногда их исполнение помогает очистить совесть живым.

Не очень-то мне понравилась эта фраза, особенно на пустой темной парковке перед аэропортом. Но я решила не придирааться к отцу Джозефу сразу, позволила ему сосредоточиться на вождении. Как бы старик ни крепился, он устал – я даже не знаю, сразу он забрал меня или успел отдохнуть. Поэтому на сложных участках дороги я молчала, позволяя ему смотреть по сторонам.

Лишь когда мы оказались на шоссе, прямом, как стрела, и таком же быстром, я решила, что можно снова поговорить.

– Почему вы считаете, что что-то должны моей сестре? Она была вашей прихожанкой?

– Нет, никогда. Не думаю, что Тэмми во что-то верила. Мне даже показалось, что ей неприятна тема религии.

– И вас, священника, это не напрягало?

– Моя работа – не осуждать, – мягко улыбнулся он. – Я сразу сказал Тэмми, что в церкви ей всегда рады, и больше мы к этой теме не возвращались. Но я готов был оставаться ее наставником и другом, не влияя на ее религиозные убеждения. Это ведь я привез ее в Олд-Оукс, я помог ей устроиться в городе. Было бы несправедливо просто бросить ее на произвол судьбы!

А вот это уже интересно! Ни о чем подобном я даже не догадывалась. Я ожидала, что мне придется провести пять часов в машине с добродушным дедком, который просто упростил мне жизнь. Однако рядом со мной вдруг оказался ценнейший источник информации.

– Расскажите о ней, – попросила я. – Мы не были знакомы. Возможно, она даже не знала, что я существую.

– Да, в завещании она указала только своего отца, – кивнул отец Джозеф. – Но и я знал ее не так уж долго – пять лет. Она никогда не рассказывала всех подробностей о своем прошлом. Мне показалось, что оно было не очень счастливым.

Выяснилось, что мой спутник всегда был человеком деятельным. Семью отец Джозеф так и не завел (хотя ему, если я правильно поняла, можно было), и все его внимание было сосредоточено на службе. Ему было несложно поддерживать в порядке небольшую церковь, он успевал принимать активное участие в жизни городка. В Олд-Оукс священник оставался весьма уважаемым человеком – наряду с шерифом и директором школы. Те, с кем мэру приходилось считаться.

Но энтузиазм отца Джозефа распространялся не только на вверенную ему территорию. По большим праздникам, таким, как Пасха или Рождество, он отправлялся по соседним городам и посещал приюты для бедных. Он привозил туда гуманитарную помощь, заботливо собранную прихожанами его церкви, и рассказывал, как замечательно живется в Олд-Оукс. Городок был маленьким, откровенно скучным и нуждался в притоке «свежей крови».

Так отец Джозеф и познакомился с моей сестрой. Тэмми тогда было тридцать девять – целая жизнь за спиной. И, похоже, непростая жизнь. Она была мрачной, настороженной, никому не доверяла, во всем искала подвох. Своих дочек, тогда еще совсем маленьких, она охраняла с яростью львицы.

– Я сразу почувствовал, что могу помочь ей. Есть люди, которые добровольно катятся под откос. Им просто лень что-то менять! Но Тэмми была не такой. Я понял, что в ее жизни произошло какое-то горе, хотя она отказалась отвечать на мои вопросы. Я лишь выяснил, что последние годы она и девочки много путешествовали и нигде надолго не задерживались, а своего дома у них нет, как нет и семьи. Я знал, что, если дать ей шанс, она им воспользуется, и не ошибся. Тэмми была очень умной и трудолюбивой, это помогло.

Найти ей дом было несложно – в Олд-Оукс хватало зданий, хозяева которых переехали или умерли, не оставив наследников. Правда, дом нуждался в ремонте, зато достался Тэмми со всей мебелью, а уж она сама привела его в порядок.

– Руки у нее были золотые, – вздохнул отец Джозеф. – С любой работой она справлялась не хуже мужчины!

Так себе комплимент, ну да ладно. Я пока предпочитала слушать, а не говорить.

Девочки стали ходить в школу, Тэмми устроилась на работу – поварихой в местную забегаловку. Соседи ее приняли, даже в душу не лезли, позволяя сохранить свои тайны. Живи да радуйся!

Но она так не умела. Похоже, даже за пять лет Тэмми так и не смогла поверить, что теперь – все, это не перемирие с судьбой, а постоянный мир. Ей казалось, что ей в любую минуту могут указать на дверь. Как пришла, так и уйдешь! Поэтому она оставалась напряженной, близких друзей не заводила и очень внимательно следила за своими детьми.

– Когда она начала пить?

– Откуда вам это известно? – мигом насторожился отец Джозеф. – Не помню, чтобы я рассказывал это вашему отцу.

– Иногда фотографии говорят больше любых слов.

– Тогда вы внимательны... Проблемы с алкоголем у нее начались где-то на третий год жизни здесь. Хотя я не думаю, что это был первый случай. Она просто сорвалась.

Она и должна была сорваться. Нельзя жить в постоянном напряжении и не поддаться его разрушительной силе. Просто нормальный выход – это избавиться от источника напряжения. Но у Тэмми почему-то так не получилось.

Нельзя сказать, что выпивка взяла да разрушила ее жизнь. Какой-то самоконтроль она сохранила: она никогда не пила в рабочее время и никогда не уходила от ответственности. Она следила за тем, чтобы у ее дочерей было самое необходимое. Но когда у нее появлялось время наедине с собой, она сразу стремилась напиться, словно опасаясь чудовища, живущего в недрах ее памяти.

Такой образ жизни ее губил, и многие хотели бы помочь ей, но ни у кого не получалось.

– Как вы думаете, то, как она жила, и ее прошлое... что-нибудь из этого могло быть связано с ее смертью?

Я задала тот вопрос, который должна была задать. Кто угодно спросил бы на моем месте, но мне почему-то тяжело было произнести это вслух, и я тут же затаилась, словно сделала что-то плохое.

Но отец Джозеф не был оскорблен таким недоверием к его родному городу. Думаю, он все понимал.

– Нет, и полиция даже не рассматривается такую версию. Когда она только переехала, я боялся, что ее прошлое действительно может стать угрозой. Я просил шерифа побеседовать с ней – и он сделал это. Мы с ним очень давно знакомы, я доверяю ему, как себе. Он заверил Тэмми, что она в любой момент может обратиться за помощью, и никто не посмеется над ней, даже если ее напугает тень за окном.

– А она что?

– Сказала, что не боится ни теней, ни чего бы то ни было. Тэмми всем говорила, что никто за ней не придет. Зачем ей врать?

Ну, например, чтобы ее не вышвырнули из этого милого ласкового городка, узнав, что у нее есть серьезные враги. Гостеприимство простирается только до определенного предела, в какой-то момент своя шкура становится дороже.

А может, Тэмми молчала, потому что ей нечего было сказать. Не похоже, что отец Джозеф врал мне, он действительно считал, что ее смерть была чудовищным, но непредсказуемым преступлением.

Однако это никак не объясняло, куда сбежали девочки.

– Думаю, их скоро найдут, – сказал он. – Возможно, они чего-то испугались! Например, того, что их разлучат.

Или заберут в Россию. Или их найдет тот, кто убил их маму, потому что они все-таки его видели. Сестры не знали, придет за ними кто-то или нет, они могли рассчитывать только на себя. Я бы хотела верить в их возвращение так же открыто и доверчиво, как священник, но у меня просто не получалось.

Мы прибыли в Олд-Оукс посреди ночи, заехали с другой стороны – не с той, где стоял дом Тэмми. Ехать туда было уже поздно, в морг – тем более. Я, конечно, смелая барышня, но

не настолько, чтобы в любое время суток смотреть на мертвецов! К тому же, я здорово устала, у меня кружилась голова, а в таком деле не помешает ясность мыслей.

Отец Джозеф догадался об этом (не так уж сложно догадаться), он сразу отвез меня в мотель.

– Дом Тэмми к вашим услугам, но там... не убрали, – пояснил он. – Не думаю, что вам захочется там ночевать.

Иными словами, там все еще повсюду пятна крови. Да мне и днем там не хочется бывать! Но – нужно. Когда силы вернутся, станет попроще.

Я распрощалась со священником и направилась в свою комнату. Интерьер так себе, но по меркам Олд-Оукс, думаю, лучшее, на что можно надеяться. Очень похоже на хичкоковский «Психо». Надеюсь, хозяева этого заведения все же поприятней, чем в фильме, будут.

Мне полагалось радоваться тому, что я наконец-то получила подходящее место для отдыха, но радоваться не получилось. Так странно... В аэропортах и самолетах меня раздражали люди – шумные, болтливые, вечно куда-то спешащие (совсем как я, но в чужом глазу мы видим соринку охотнее). Теперь же, когда я осталась одна, я наконец смогла в полной мере понять и почувствовать, во что именно я влезла.

Я одна на другом краю земли. Вроде бы, здесь все похожее – дороги, деревья, дома... Но, если мыслить в космических масштабах, я сейчас стою на другой стороне сине-зеленого шарика, похожего на отполированную хризоколлу, и это чертовски странно. Не вяжется со мной и моими планами на октябрь. Я здесь, чтобы взглянуть на мертвое тело и подумать обо всем, что не сбылось.

Одиночество порой бьет сильнее любых испытаний и нагрузок. От того, что мне предстоит не просто пройти через это, а пройти одной, было обидно так, что не передать словами. Никто не захотел быть со мной... Значит ли это, что я ни для кого не стала достаточно важной?

Но ведь и Тэмми была одна – по-своему, до самого конца. Были те, о ком заботилась она, но никто не заботился о ней. Можно считать это возможностью лучше понять ее и сделать все, что я могу... Как там сказал священник? Живые отдают несуществующие долги, чтобы очистить свою совесть. Мертвым уже все равно.

Глава 3

Ночь прошла бесславно: я плакала, пока не заснула. Как говорят американцы, *cried myself to sleep* – если переводить красиво, «убаюкала себя слезами». Нельзя сказать, что меня так расстроило нечто конкретное. Просто навалилось все вместе – усталость от долгого-долгого путешествия, история, которую я услышала, жалость к Тэмми, ее детям и даже самой себе. Как будто я только что осознала, как было бы здорово иметь старшую сестру!

Кто-то может сказать, что нет смысла сожалеть о несбывшемся. Подпишусь под каждым словом. Но слезы – это не совсем сожаление. Это способ избавиться от негатива, очиститься, чтобы идти дальше уже без этого груза. Сдерживать свои страхи, боль и разочарования – так себе удовольствие. Никогда не знаешь, к чему это в конце концов приведет, ведь психосоматика – штука великая и плохо изученная.

В этом редкое преимущество одиночества: плакать можешь, сколько угодно, и это не будет унижительно.

Утром я несколько опухла, но в остальном была вполне бодра. Уж не знаю, как, но мой организм быстренько адаптировался к новому часовому поясу. У меня не было ощущения, что я проснулась вечером или что я должна быть не здесь. Возможно, виной тому хаотичный график моей московской жизни, который тоже уделяет незначительное внимание времени суток.

Припухлость, оставленную слезами, я умело замаскировала косметикой, невелика наука. Так что, когда за мной приехал отец Джозеф, я была бодра и готова к действию. Не весела, конечно, потому что ничего веселого в моих планах на утро не было: мне предстояло ехать в морг.

– Как прошла ночь? – любезно поинтересовался пожилой священник. – Вы успели позавтракать или я слишком рано?

– Ночь прошла хорошо – насколько это вообще возможно. А завтракать я и не собиралась.

– Почему? Давайте я отвезу вас в прекрасное кофе!

– Знаете, перед таким мероприятием мне как-то не хочется... ничего.

Отец Джозеф мгновенно помрачнел.

– Я понимаю, о чем вы. Но вы не обязаны это делать! Тэмми уже опознали – ее соседи и коллеги по работе. Вам не обязательно видеть тело... Его могут передать в гробу.

– Я знаю. Но я хотела бы.

Строго говоря, я и не смогла бы ее опознать: я ее совсем не знала. Моей первой встрече с сестрой предстояло пройти в морге. Как странно было думать, что жители этого городка имеют большее право звать Тэмми *своей*, чем я и все ее оставшиеся родственники! Кроме ее дочерей, разумеется. Но с ними отдельная история.

Морг располагался в подвальном помещении при больнице. Странно, что он вообще тут был! Даже за время короткой поездки я убедилась, что Олд-Оукс – очень маленький город. По идее, тела погибших могли бы перевозить в какой-нибудь районный центр – или что там у американцев выполняет эту роль? Но Тэмми повезло остаться здесь. Она за свою жизнь достаточно путешествовала.

У парковки нас встречал коронер, небритый и настолько мрачный, будто я приехала исключительно чтобы наплевать ему в оба глаза. Он всем своим видом показывал, что я затеяла ерунду, что не нужно мне смотреть на труп, а ему – лишний раз выходить на работу. Но в присутствии священника он не рискнул сказать мне ни слова, а значит, авторитет отца Джозефа был действительно велик.

Уже в коридоре при морге царил ощутимый холод – значительно превосходивший октябрьскую прохладу на улице. До меня наконец дошло, почему коронер разгуливает в

куртке-парке, больше подходящей для зимы. Он покосился на меня чуть ли не со злорадством и ничего мне не предложил. Должно быть, он ожидал, что из-за холода мой визит сюда пройдет быстрее. Не дождется! Я из России, я в студенческие времена мини-юбку в декабре носила! Чести мне это не делает, но к морозу приучает.

Так что, как только открылась дверь, я первой вошла внутрь.

Зал был совсем небольшим и казался призрачным из-за синевато-зеленого света очень ярких ламп. Как будто я в другое измерение попала! Этот свет искажал цвета, иногда стирал тени, а иногда делал их особенно яркими. В сиянии ламп, продолговатых и круглых, тело покойницы смотрелось не человеком, а не слишком удачной куклой из воска и пластика.

Смерть и долгие дни, проведенные в этом подземном холодильнике, сильно изменили Тэмми. Она и на последних своих прижизненных фото выглядела не слишком хорошо, а сейчас передо мной будто лежала старуха лет семидесяти. Ее кожа выглядела серой и сморщенной, как осиное гнездо, изморозь дополнила седину в ее волосах.

И все же у меня не возникло ощущения, что это не она и меня пытаются обмануть. Это, вне всяких сомнений, была она. Просто на ее теле будто разом проступили все несчастья ее непростой жизни. Надеюсь, дочерям не позволили увидеть ее такой... Нет, конечно, нет. Это «представление» для меня – незваной и нежеланной гостьи в маленьком мирке Олд-Оукс.

Тэмми лежала на столе обнаженной. Это как раз не было частью «спектакля», это нормально: никто в моргах не заботится о достоинстве, оно для живых, а не для мертвых. Считается, что тело – это материал для работы, а личности, способной стесняться и смущаться, давно уже нет. Трупы стыдливо прикрывают только в фильмах, смерть не знает стыда.

Благодаря этому я могла рассмотреть все: не только следы вскрытия, грубые черные швы, которые на похоронах полагается прятать под одеждой. Серая кожа покойницы легко выдавала синяки на ее лодыжках и запястьях, уродливые ссадины на ее лбу – видеть я могла только часть, остальное скрывали волосы. Но и этого мне хватило, чтобы различить, как прогнулась, поддавшись силе удара, кость. Горло погибшей распухло и навсегда сохранило багрово-фиолетовый цвет.

Это было то еще испытание. Я думала, что готова к нему. Я ведь не знала Тэмми, у меня вроде как не было причин по-настоящему любить ее – а значит, сочувствовать ей. Но здесь и сейчас то кровное родство, в реальности которого я до последнего сомневалась, наконец обрело власть, стало почти осязаемым. Я почувствовала тошноту и головокружение, в какой-то миг мне показалось, что мое горло тоже синее и распухает, мне не хватает воздуха. Нужно уйти отсюда и никогда больше не возвращаться. Заплатить, кому надо, не жалея папенькиных денег, чтобы в следующий раз увидеть Тэмми похожей на человека, которым она была!

Должно быть, мое состояние стало настолько очевидным, что отец Джозеф забеспокоился. Он осторожно приобнял меня за плечи, и сначала этот жест показался мне чересчур фамильярным, а секундой позже я поняла, что это нужно: меня шатало, хотя сама я этого не замечала.

Стыдно мне не было. Я не полицейская, не частный детектив и не наемница, чтобы спокойно переносить такое зрелище! Но у меня хватило сил не кинуться к выходу, и этим я могла гордиться.

– Давайте я провожу вас к машине, – предложил отец Джозеф.

– Еще рано, у меня есть вопросы...

– Господи, да какие тут могут быть вопросы? – закатил глаза коронер.

Священник тут же осадил его:

– Лайл, она имеет право знать!

Что ж, повезло мне с провожатым.

Не думаю, что коронер разделял убежденность священника насчет моих прав. Но выпендриваться он перестал, только это и было мне нужно.

– Что именно вас интересует?

– Что стало причиной смерти? У нее такие страшные раны на голове...

– Да, череп проломлен в двух местах. Но это не смертельные раны, хотя они, конечно, повлияли бы на ее здоровье, если бы ей удалось выжить. Причиной смерти стало удушье.

– То есть, кто-то задушил ее, когда она уже была без сознания?

– Не задушил. Засунул ей в горло платок.

Коронер говорил об этом без сочувствия – но и без злорадства. Для него фраза «убили, засунув в горло платок» имела такой же эмоциональный вес, как, скажем, «на улице сегодня солнечно» или «молоко опять подорожало». Нельзя его осуждать, это его работа.

А вот моя работа и вся моя жизнь была совсем другой, поэтому я почувствовала, как по моему собственному горлу проходит болезненный спазм. Дурное это дело – проецировать на себя опыт погибшей женщины. Однако от меня это не зависит, просто так получается.

Даже в своем нынешнем состоянии, близком к шоку и ступору, я понимала, что что-то здесь не так. Как бы парадоксально ни звучало, это убийство не такое, каким должно быть!

– Ссадины на голове очень странные, – заметила я, присматриваясь к узору синюшных полос. – Чем их нанесли?

– Это уже полиция будет разбираться!

– Думаю, полиция задала вам тот же вопрос. Что вы им ответили?

– А вы что, тоже из полиции? – подозрительно прищурился коронер. – Ну, у себя там...

– Я выступаю консультантом, – солгала я. Что ему до правды? – Я психолог, помогаю составлять профили преступников.

Если бы наши полицейские узнали, что им, оказывается, помогает ведьма, они бы сильно удивились. Но о чем они не знают – то им и не навредит, а я добилась своего: в глазах коронера наконец появилось уважение.

– Я не могу точно сказать, чем были нанесены удары, – признал он. – Но это был продолговатый предмет, вроде палки или кочерги, очень тяжелый, сделанный из металла или камня.

– А эти линии?

– На предмете был какой-то узор, эти линии – его отпечаток. Удары были нанесены при жизни жертвы, поэтому остались такие синяки и ссадины. Но она точно потеряла сознание и умерла вскоре после этого. Когда ей в горло поместили платок, она уже ничего не чувствовала.

Думаю, это можно расценивать как его попытку меня подбодрить. Вряд ли он способен на большее, и даже это – много! Вот что делает полицейская солидарность.

– А синяки на ее руках и ногах? – продолжала допытываться я. Пока я была сосредоточена на деле, можно было не думать о том, что пережила Тэмми в свои последние минуты.

– Отпечатки пальцев. Похоже, он держал ее, а она сопротивлялась.

– Это на руках... А на ногах?

– Возможно, он ее тащил.

– Или связывал?

– Нет, не связывал, – покачал головой коронер. – Никаких следов веревок нет. Но я допускаю, что нападавших было двое, и полиция знает об этом. У одного из них, судя по отпечаткам, не было фаланги на безымянном пальце правой руки. Хотя не исключено, что нападавший был один, это не мне разбираться.

– Но фаланги все равно не было?

– Естественно.

– А изнасилование... было?

Я видела, что все старательно избегают этой темы – очевидной в такой ситуации. Возможно, отцу по телефону что-то сообщили, но он то ли не понял, то ли постеснялся обсуждать со мной такое. Да и сейчас никто не смотрел мне в глаза. Видимо, им казалось, что говорить про такое молодой женщине совсем уж кощунственно. Как будто избиение и убийство лучше!

– Да, – ответил коронер. – Одним человеком. Следов не оставил. Остальное, думаю, вам лучше обсудить с шерифом.

Я уже примерно знала, что он мне скажет. Ту же версию, какой тут придерживаются все – я видела местную газетку. Выходит два раза в неделю, пишет ту же ерунду, что и все газеты мира, но доверительным тоном доброго соседа. Не худший источник информации.

Здесь верят, что Тэмми стала жертвой случайного нападения. Какой-то псих ворвался в ее дом, изнасиловал, убил, а потом забрал все ценности, какие нашел, и скрылся. Я тоже принимала эту версию до сегодняшнего дня. С чего мне сомневаться? Но теперь я видела тело – и тело рассказывало мне совершенно иную историю.

В жестокости, с которой была убита Тэмми, чувствовалось что-то личное. Это не просто желание ворваться в первый попавшийся дом и изнасиловать первую попавшуюся женщину. Во-первых, откуда нападавшим (в том, что это сделал не один человек, я не сомневалась) знать, что там жила только Тэмми? Вдруг их там встречало бы семейство работяг – пять мужчин, четыре женщины и все с дробовиками? Но нет, нападавшие действовали нагло и решительно. Они знали, что никто не сможет оказать им достойного сопротивления.

Дальше – само нападение. Слишком много синяков на руках и ногах... Если Тэмми так отчаянно сопротивлялась, проще было связать ее. Или сразу оглушить, в итоге это все равно сделали. Но нет, эти травмы выглядели так, будто кто-то удерживал ее и за руки, и за ноги. Ведь если бы ее сразу оглушили, она бы не почувствовала все остальное. А они хотели, чтобы она почувствовала! Думаю, они еще и говорили с ней. Сказали то, что понять могла только она.

Само изнасилование вызывает вопросы. Сухая фраза «не оставил следов» в переводе на человеческий язык означает «использовал презерватив». Кто предпринимает такие меры предосторожности на якобы спонтанном изнасиловании? По официальной версии, Тэмми убил псих, подавшийся настроению, сиюминутному желанию. И вот он в доме, под ним – кричащая, извивающаяся жертва, и он не знает, есть ли поблизости кто-то еще. Но при этом он, как в ролике социальной рекламы, показательно натягивает резинку? Как-то слишком продуманно и хладнокровно для него!

Когда он развлекся, он начал избивать ее по голове. Бил чего-то странным, раз даже эксперт не понял, что это такое. Нужно осмотреть дом, это теперь даже важнее, чем раньше. Если я найду подходящий предмет, значит, он схватил первое, что под руку подвернулось. А если нет? Означает ли это, что он притащил ту штуку с собой, потому что она имела особый смысл для него и, быть может, для Тэмми?

Ну и способ убийства... Он мог убить ее ударом по голове. Он практически сделал это! Ее нашли только утром, а значит, с теми травмами, что он ей обеспечил, Тэмми вряд ли дожила бы до приезда медиков. Эти раны не смертельны, только если помощь оказана быстро. Однако он действовал наверняка. Ему нужно было убить ее именно так, даже если она была без сознания и ничего не чувствовала. Он выбрал не самый простой способ... Если это не ритуал, то я начну сомневаться в своей адекватности!

Мне казалось, что я уже увидела все, что нужно. Я готовилась уходить, когда мое внимание привлекли линии на предплечье Тэмми – слишком темные и ровные, чтобы быть синяком. Ее рука была развернута так, что я едва не упустила их. Зато теперь я не собиралась их игнорировать, я выклянчила у coronera перчатки, чтобы повернуть руку и получше рассмотреть.

На руке у Тэмми была татуировка. Простая до примитива, всего две буквы – АМ. В Америке их значение известно всем – они обозначают время.

Вообще, они редко пользуются такими формулировками, как тринадцать часов или пятнадцать часов. Понимают, что это такое, но подобная передача времени ассоциируется у них в первую очередь с военными. В повседневной жизни они используют двенадцатичасовую систему, а чтобы понять, об утреннем времени речь или о вечернем, они используют обозначения из двух букв. Звучит как «эй-эм» и «пи-эм», пишется как АМ и РМ.

Все это, конечно, занимательно, но какого лешего Тэмми понадобилась тату с обозначением времени? Да еще и без самого времени! АМ. Только утренние часы. Как будто вечернего времени не существует.

Я обернулась к коронеру.

– Вы можете определить, как давно она сделала эту татуировку?

– Достаточно давно, чтобы это не было связано с ее смертью!

Вот и на кой взрослому дядьке выпендриваться так, будто у него в заднице репейник застрял, – я никогда не пойму. Похоже, это для него почти стиль жизни.

– Пожалуйста, скажите мне, когда она могла сделать эту татуировку, – терпеливо настаивала я.

Коронер наконец соизволил ответить по делу:

– Лет десять назад. Плюс-минус два года, но в этот период.

Очень любопытно... Десять лет назад Тэмми родила вторую дочь. Но связано ли это? Тут коронер мне точно не поможет.

Мы со священником покинули морг, коронер остался убирать тело на место. Лишь покинув здание, я наконец смогла вздохнуть полной грудью. В воздухе остро пахло осенью – прелые листья, мокрая земля и сосновая хвоя. Международный запах, как будто я снова дома и дышу там октябрём. И солнце точно так же осторожно, будто бы робко греет открытую кожу. Две половинки Земли похожи больше, чем кажется. Я бы нашла в этом определенный символизм относительно нашей с Тэмми судьбы, если бы это не было так тоскливо.

– Как думаете, я смогу поговорить с шерифом? – полюбопытствовала я.

– Сейчас – точно нет. Насколько мне известно, он уехал.

– А вообще?

– А вообще, пожалуй, можете. Но я не думаю, что это такая уж хорошая идея, – заметил отец Джозеф.

– Почему?

– По сравнению с ним, Лайл может показаться вам милейшим собеседником.

– Даже так? Мне настолько не рады?

– Дело не в вас! Если бы вы попытались обсудить с ним рыбалку или охоту, вы не нашли бы человека милее и болтливее. Но вы, насколько я понял, готовитесь задать ему те же вопросы, что и Лайлу.

– К шерифу у меня вопросов даже больше.

– Он, увы, может воспринять это как сомнение в его профессионализме.

– Но я не сомневаюсь в его профессионализме, мне просто нужно знать!

– Я это понимаю, – слабо улыбнулся священник. – Но человеческая гордость – дремучий лес. Нельзя предугадать все способы, которыми она может быть задета. Давайте поступим вот как... Я сам поговорю с шерифом и постараюсь узнать все подробности по этому делу, которые мне раньше казались неважными. Я вам сообщу.

– Спасибо...

Не очень-то мне хотелось соглашаться на это. Мне было интересней поговорить с шерифом самой, а в идеале взглянуть на улики. Но я знаю, когда нужно настаивать, а когда лучше остановиться. Коронер уже показал мне, как тут относятся к чужакам. Если я попытаюсь лезть к шерифу, я только повышу свои шансы быть вышвырнутой из Олд-Оукс раньше срока. Так что хочешь-не хочешь, а пришлось смириться.

Священник предлагал вернуть меня в мотель, но туда мне хотелось меньше всего, да и прогулка по городу меня не особо вдохновляла. Зачем обманывать себя? Мои мысли все равно будут возвращаться к делу Тэмми так или иначе. Проще сразу сосредоточиться на этом, чем понапрасну терять время и силы.

Поэтому я попросила отвезти меня в дом Тэмми, и отец Джозеф нехотя выполнил мою просьбу.

– Я не смогу остаться там с вами, – сразу предупредил он. – У меня вечером служба, нужно подготовиться...

– Я и не надеялась, что вы будете нянчиться со мной круглые сутки.

– Я волнуюсь за вас... Вы уверены, что вам необходимо туда ехать?

– Абсолютно.

И все же он не был бы священником, если бы отказался от заботы так просто. По пути к дому мы заехали в местный супермаркет – поразительно большой для Олд-Оукс. Согласно американским фильмам, именно такие магазины спасут от зомби-апокалипсиса. Так что к дому Тэмми я подъезжала уже с неплохим запасом продуктов.

– Там есть электричество, все работает, – указал отец Джозеф. – Вы сможете воспользоваться микроволновкой, плитой, чайником... На кухне, кажется, ничего не было.

– Со мной все будет в порядке.

Эх, хотелось бы мне, чтобы уверенность, с которой я это говорила, была искренней!

Отец Джозеф высадил меня у дороги, так ему удобней было разворачиваться. Поэтому к дому я шла сама. Я была не против: это давало мне возможность осмотреться.

Двора как такового у Тэмми не было. То есть, думаю, какой-то участок был официально оформлен как прилегающий к дому, но она этот участок никак не обозначила. Здесь не было ни намека на забор, деревья росли те же, что и в ближайших лесах, обнимавших Олд-Оукс со всех сторон. В относительном порядке была только гравийная дорога, ровной линией тянувшаяся к гаражу. А вот дорожек для пешеходов здесь не было, только тропинки, протоптанные в траве. Благодаря им можно было проследить, как семья проводила время рядом с домом: часто ходили только к машине, бельевым веревкам да стареньким качелям. Они тут не гуляли.

Убийца мог просто взять и подойти к дому – с любой стороны. Но не думаю, что забор, даже самый высокий и крепкий, остановил бы его. Кстати, я в Олд-Оукс вообще не видела толковых заборов, нет тут такой традиции.

Дом был деревянным и старым. Казалось, что за годы своего существования он просто врос в землю, чуть провалился в нее, криво и неуклюже, слился с деревьями и старыми пнями, окружавшими его со всех сторон. Дом-пенек. Совсем не маленький, но выглядит маленьким из-за чудаковатой угловой планировки и закрывающих его деревьев. Дом не ветхий, не из тех, где круглый год протекает крыша и температура внутри равна температуре снаружи. Может, это и не домик-конфетка, но Тэмми следила за доставшимся ей семейным гнездышком.

К дому был пристроен небольшой гараж на одну машину, однако сама машина стояла снаружи: небольшой джип выцветшего красного цвета. Машина была в лучшем состоянии, чем дом, чистые круглые фары напоминали мне удивленный взгляд существа, которое никак не может понять, куда подевалась его хозяйка и когда же она вернется.

Извини, приятель, уже никогда.

Дом все еще был увит полицейскими лентами – ярко-желтыми, похожими на причудливые лианы. Достойная конкуренция ветвям плюща, затянувшим один из углов дома. На окнах и дверях – печати, оставшиеся нетронутыми. Отец Джозеф был прав, с тех пор как увезли тело Тэмми и забрали девочек, никто сюда не приходил.

Теперь вот пришла я. У меня были и ключи, и право войти.

В доме царил жуткий кавардак. Думаю, лишь отчасти его можно было списать на ночное нападение. Остальную грязь притащила с собой толпа полицейских, осматривавших место преступления. На полу – грязь, следы десятков ботинок, на стенах и мебели – пятна черного порошка, которым снимают отпечатки. Но даже за этим угнетающим фасадом разоренного гнезда можно было разглядеть, что изначально дом был в хорошем состоянии. Изнутри он выглядел лучше, чем снаружи.

Тэмми и правда ухватилась за возможность оставить кочевую жизнь позади, она старалась, как могла. В частных домах, особенно таких старых, постоянно что-то ломается. Хорошо, когда рядом есть один из тех легендарных мужчин с золотыми руками, способных починить что угодно – от щеколды до атомного реактора. Но у Тэмми не было ни такого умельца, ни любого другого. Она справлялась сама, и ее жилище сильно смахивало на лоскутное одеяло – безыскусное, зато домашнее и уютное.

Мне было неловко просто шляться тут, и новой хозяйкой я себя не чувствовала. Даже после всего, что уже произошло, я была откровенно чужой. Но я преодолела это чувство – так было нужно. Я внимательно осматривала все, каждый сантиметр, пытаюсь разобраться и в картине убийства – и в жизни семьи, связанной со мной.

В доме было очень много фотографий в рамках, развешанных на стенах – но только девочек. Рядом – дипломы, рисунки, медали. Джордан занималась спортом. Эмили, кажется, ходила во все кружки, какие были доступны в этом городишке. Все о них, все для них – Тэмми просто растворилась, стала их тенью, добровольно отошла даже не на второй, а на третий план.

Но не думаю, что это ее угнетало. Все указывало на то, что ее прошлое было не слишком счастливым, и ей не хотелось за него держаться. Другое дело – будущее ее девочек. Это фантазийная реальность была куда приятнее.

Да и мне хотелось бы сосредоточиться на этом, на хорошем, и не думать о том, чем завершилась история семьи. Но иногда желания значат куда меньше, чем необходимость.

От священника я примерно знала, что тут произошло. По крайней мере, версию полиции. Теперь, осматривая дом, я видела, почему шериф и его сотрудники так подумали, и мне сложно было с ними спорить.

Убийца вломился через заднюю дверь – ту, что на кухне. Дверь была не самая хлипкая (я в Олд-Оукс вообще стеклянные двери видела, и это никого не смущает), но и не слишком крепкая. Замок был безжалостно разворочен, преступник действовал нагло и быстро. Громко или нет – это уже не важно, соседи все равно слишком далеко. Но Тэмми, думаю, услышала. После такого дверь, естественно, не закрывалась, но полицейские, уходя, приварили здесь решетку, чтобы в дом не пробрались бродяги.

На кухне была разбита посуда, на полу валялся набор ножей – разбросанных, но не тронутых. Борьба началась здесь, вероятнее всего, тут Тэмми встретилась с нападавшим. Но крови я не видела. Получается, преступник был намного сильнее жертвы, он ее скрутил и потащил в гостиную. Тоже не самое типичное поведение для маньяка, якобы слепо подчиняющегося своим желаниям. Почему он не набросился на нее прямо здесь? Кухня по-американски просторная, есть большой крепкий стол – цинично с моей стороны думать о таком, но ведь это правда! Однако вместо этого убийца потащил Тэмми, кричавшую и сопротивлявшуюся, в гостиную.

Шум борьбы должны были услышать дети. Почему они не позвонили в службу спасения? Времени хватило бы! Полиции они сказали, что сильно испугались и забыли взять с собой в укрытие телефон. Но это же какой-то бред! Они не совсем малышки, Джордан почти взрослая. Они как будто отказались от собственной матери, позволили ей остаться наедине с нападавшим. . . Звучит ужасно даже в моих мыслях, но это слишком очевидный вариант, чтобы закрывать на него глаза.

В гостиной как раз крови хватало. Похоже, ареной жутких событий стал большой ковер в центре комнаты – в прошлом белый, а теперь красно-бурый. С него даже сбросили журнальный столик, чтобы не мешался. Как будто освобождали место для большой группы людей! Нет, нападавший точно был не один. Слишком много он успевал делать одновременно, слишком хорошо у него все получалось. Двое – это минимум, а я подозреваю, что их было намного больше.

Целая группа психов, спонтанно решившихся на изнасилование и убийство? Да еще и не групповое изнасилование! Нет, совсем ничего не сходится. И на этом фоне судьба девочек беспокоит меня все больше. Даже если поверить, что они просто сбежали, – это уже очень плохо. Но если добавить все странности, которые окружают смерть их матери... Дно какое-то.

Мне не хотелось задерживаться в гостиной – не больше, чем в морге. Но мысли о девочках помогли, я переборола страх и взялась за дело. Не зря, между прочим! Спустя час напряженной работы я была уверена в том, что обнаружила.

А точнее, не обнаружила. В гостиной не было ни одного предмета, хотя бы отдаленно соответствующего ранам на голове Тэмми. Инструменты у камина даже близко не похожи. Ножки столика и стульев – тоже нет, да и вообще, они целые. Нечто каменное или железное, со сложным узором... этого здесь нет! Так что нападавший забрал это с собой – может, с собой и принес.

Покончив с гостиной, я поднялась наверх, к спальням. В первую очередь меня интересовала комната девочек, в которой они и оставались до приезда полиции. Вот тут меня ждал очередной сюрприз.

Я все гадала, где же они спрятались, что это за чулан такой или стенной шкаф, который уберег их от психа! Но их реальное укрытие оказалось таким, что для него сложно подобрать название. Думаю, если бы мне начали на английском объяснять, что это, я бы не поняла, о чем речь.

Это было именно убежище. В прошлом – стенной шкаф, небольшой закуток, который нередко примыкает к американским спальням. Но в доме Тэмми он прошел неслабую модернизацию! Здесь было укреплено все: стены, пол, потолок и, особенно, дверь. Хилую фанеру заменили на крепкие доски и мощные металлические заклепки. Изнутри на двери был установлен засов, дополнявший хорошего качества замок. Там, внутри, без труда поместились бы две девочки-подростка.

И это неправда, что их не нашли. Нападавшие прекрасно знали, где находятся дети, внешняя сторона двери указывала на это! На досках сохранились следы ударов и глубокие царапины. Замок был не просто вскрыт – почти выковырян из гнезда. Но засов – это уникальное по своей простоте препятствие, его не вскроешь!

Думаю, расправа над Тэмми заняла немало времени. Только потом нападавшие добрались сюда – и обнаружили, что сделать то же самое с девочками не получится. Они попытались проникнуть внутрь, но время уже поджимало, и они ушли.

И все же полиция приехала, потому что Тэмми хватились коллеги. Не по вызову девочек! Почему, почему, почему?

Я вошла в убежище. Мебели здесь, естественно, не было, но на полу валялись потрепанные подушки и старый коврик – неумелая имитация звериной шкуры. Мне несложно было представить, как Джордан и Эмили укрывались здесь, как дрожали от страха и прижимались друг к другу, чтобы выдержать это, а снаружи гремели удары и проклятья. Слышали ли они то, что до этого происходило с их матерью внизу? Не думаю, что тут такая уж хорошая звукоизоляция...

Я достала телефон и посмотрела на индикатор сети. Отлично ловит! Да оно и понятно, убежище хорошее, но это всего лишь доски, не литой металл. Нет ни одной объективной причины, по которой они не могли позвонить в полицию! И все эти рассказы про то, что они обе были парализованы страхом, – это так, сказочки. Но почему девочки врут? Они больше всех заинтересованы в том, чтобы полиция двигалась в нужном направлении!

Короче, я пришла сюда за ответами, а получила только новые вопросы.

Кому Тэмми умудрилась перейти дорогу? Чем заслужила столь жестокую казнь – иначе я это назвать не могу.

Почему она вообще построила в комнате своих детей убежище, способное выдержать полноценную атаку?

Почему в достаточно молодом возрасте она составила завещание? Она назначила опекуном своих детей человека, с которым даже не была знакома – и который успел продемонстрировать, что родитель из него так себе. Почему Тэмми выбрала его? Из-за отсутствия альтернатив – или ей было нужно, чтобы ее дочери оказались далеко отсюда, там, где их не будут искать?

Хотелось верить, что не только я задаюсь этими вопросами, что и полиции есть, чем себя занять!

Больше я не нашла в комнате девочек ничего подозрительного, хотя мне и убежища с лихвой хватило. После этого настал черед спальни Тэмми. С первого шага туда я поняла, что вот тут придется задержаться.

Создавалось впечатление, что она не выкидывала никогда и ничего. В комнате едва ли можно было пробраться от кровати к рабочему столу и обратно! Но при ближайшем рассмотрении выяснялось, что это не просто мусор. Тэмми хранила бумажки. Сотни, тысячи, миллионы бумажек. Дома из бумажек, горы из бумажек. Бумажковая цивилизация. Здесь было все: от выцветших, потерявших даже намеки на текст чеков до ярких рисунков. Очень любопытно... Тут всегда такой бардак или кто-то уже основательно в этом порылся?

Нет, сначала за этот хаос я винила Тэмми. Но когда я подняла стопку каких-то счетов, обнаружилось нечто весьма любопытное: пыль. Что любопытного в пыли? А то, что ее было много и она скопилась на ковре. Прямо под бумагами.

Если бы бумаги все время валялись на полу, было бы иначе. Пыль спокойненько оседала бы на них. Но то, что я обнаружила, изучив пол повнимательней, наталкивало на совсем другие выводы. У Тэмми хранилось много всякого мусора, но мусор этот был тщательно отсортирован и аккуратно сложен. А потом по комнате будто ураган пронесся! Или кто-то что-то искал, или заметал следы. Подозрительными казались оба варианта.

Так что в кабинете мне предстояло задержаться.

Когда я увлечена работой, я с легкостью теряю чувство времени. Не та черта, которой можно гордиться, но исправить ее вряд ли удастся. Если бы бумаги Тэмми оказались совсем неинтересными, они бы с легкостью утомили меня. Но этот склад макулатуры был куда любопытней, чем я ожидала. Если раньше я лишь смутно догадывалась, что жизнь Тэмми была совсем не простой, то теперь я почти не сомневалась в этом. Может, последние пять лет она действительно была поварихой из дешевой забегаловки. Но раньше она прошла через что-то другое – и это не отпускало ее до последних дней, бумаги доказывают! Увы, это не те улики, которые можно отнести в полицию. Зато я буду знать.

Не представляю, что на меня повлияло, разорванный контакт с часовыми поясами или увлеченность работой, но, когда я вышла из комнаты Тэмми, за окнами уже было темно. А это вам не темнота большого города! Я понятия не имела, есть ли здесь фонари. Если есть, то у дороги, их надежно закрывают деревья. А за окнами – непроглядная тьма, будто чернила в воде размешали. Та тьма, в которой водятся чудовища...

Я знаю, что глупо так думать, особенно в моем возрасте. Взрослая женщина все-таки, хотя никак к этому не привыкну. Но над наивными страхами очень легко смеяться из безопасности своего дома, когда вокруг горит свет и ты слышишь, как за стеной ругаются соседи. Здесь же я была одна... Дом тонул в полумраке, потому что свет я включила только в одной комнате. Ну а дальше мира просто не было, его сожрала ночь. Меня тоже сожрет, если я высунусь!

Хотя по факту, было не так уж поздно, всего восемь. Детское время. Но этим и коварна осень: ночи длиннее, чем дни, и имеют куда большую власть.

Иллюзию того, что я одна во всем мире, разрушил звонок от отца Джозефа.

– Лана, здравствуйте. Я звонил в мотель, мне сказали, что вы не вернулись. У вас все в порядке?

Должно быть, у него закончилась вечерняя служба. А я и забыла о нем!

– Да, все хорошо. Просто я решила остаться в доме Тэмми.

– Остаться? То есть, переночевать там?

– Да.

– Вы уверены, что это хорошая идея?

Нет, эта идея может войти в топ-десять моих грандиозных провалов. Об этом я подумала, а на словах продолжила изображать дурочку:

– Конечно, а что такого? Разве я не имею на это права? Дом показался мне хорошим...

– Да, дом в хорошем состоянии, но... Не важно. Я бы заехал за вами, но я освобожусь не раньше десяти. Может, скинуть вам номер такси?

– Да все в порядке, правда!

Если бы он смог заехать за мной сейчас, я бы с удовольствием рванула отсюда. Но снова напрягать старика, заставляя его кружить по городу поздно вечером... Свинство это. Я и так злоупотребляю гостеприимством. Что же до такси, то в моем нынешнем параноидальном состоянии я в машину к постороннему не сяду!

Спать в окровавленном доме я тоже не собиралась. Я бы вообще предпочла запереть комнату, где произошло убийство, но у Тэмми, как у многих американцев, на первом этаже не было межкомнатных дверей – кроме двери в туалет. Так что мне оставалось лишь забиться на второй этаж и до утра копаться в бумажках. А что в доме холодно, спать не буду и есть толком нечего – фигня вопрос, я в этом плане дама выносливая.

Но это я думала, что у меня все под контролем. Только я добралась до лестницы, как по дому громом среди ясного неба пролетела трель дверного звонка. Получилось настолько громко и неожиданно, что я споткнулась и чуть не упала. Сердце замерло в груди и испуганно забилось в предчувствии беды.

Я прекрасно помнила, что вокруг дома – лес. Даром, что его называют двором, это все равно лес! Дальше – темнота, никто не должен был выйти отсюда!

Это не отец Джозеф. Когда мы разговаривали, он был в церкви, по звукам на заднем плане несложно догадаться. Он даже при самом большом рвении не успел бы добраться сюда так быстро! Может, он прислал кого-то? Нет, он бы позвонил, предупредил меня.

Или мне вообще почудилось?

Но нет, слух меня не подводил. Подтверждением тому служил повторный звонок, за которым последовал громкий и уверенный стук.

Кто-то стоял на пороге опустевшего дома, в котором совсем недавно произошло убийство. На пороге дома, к которому случайно не выйдешь!

Скрыться от этого человека я уже не могла, включенный свет выдавал мое присутствие.

Я беспомощно замерла между лестницей и прихожей, пытаюсь понять, что мне делать дальше – и уже зная, что ничего я сделать не смогу.

Я в западне.

Глава 4

Избранная мной стратегия была трусливой. Конечно, я предпочитала называть ее осторожной, однако «трусливая» – куда более подходящее слово. Я не собиралась не то что открывать дверь – даже близко к ней подходить. Потому что по тому, кто стоит за деревянной дверью, не так уж сложно выстрелить!

Мне куда проще было замереть, затаиться, не подавать признаков жизни. Если это случайный прохожий (вдруг!) или сосед, которому дома не сидится, он быстро сдастся и уйдет.

А если кто-то продолжит тарабанить или попытается высадить дверь, я позвоню отцу Джозефу, пускай он вызывает полицию, армию, национальную гвардию – кто там людей в США спасает?

Сама же я смогу отсидеться в убежище.

Казалось, что возможных сценариев всего два. Но до того, как я сама успела кому-то позвонить, запиликал мой мобильный. Номер на экране был не зловецке неизвестный, а прекрасно знакомый, записанный в мои контакты.

В другое время я обрадовалась бы возможности поговорить с этим человеком – даже очень!

Но сложно было придумать менее подходящий момент, чтобы занять мой телефон.

Я все же сняла трубку, чтобы не пугать его. Когда человек перестает отвечать где-то на другом конце Земли – это так себе опыт. Поэтому я приняла вызов и, не дав собеседнику произнести ни слова, выпалила:

– Прости, но я сейчас очень занята, я тебе потом перезвоню!

– Чем же это ты так занята, что даже дверь не открываешь? – невозмутимо поинтересовался Влад.

Э... Что?

Всего я ожидала, только не этого.

Я снова уставилась на входную дверь, прекрасно просматривавшуюся со стороны лестницы, но с места так и не двинулась.

– Это что, ты там стоишь?! – поразила я.

– Я был бы признателен, если бы ты отложила свои срочные дела и все-таки впустила меня.

Здесьняя прохлада меня не бодрит, да и темнота как-то не вдохновляет. У меня, напоминая, остался только один глаз, и выколоть его в темноте не хотелось бы.

Поверить в такое невозможно – слишком низки шансы, что так будет! Но как не верить?

Влад дурацкими розыгрышами никогда не увлекался. У меня что, галлюцинации начались? Или этим домом уже завладела нечистая сила, которая намерена свести меня с ума?

Как во сне я подошла к двери и открыла. В меня не выстрелили, на меня не набросился монстр, меня не утащили во тьму гигантские щупальца кракена. На пороге стоял только Влад – один, будто бы даже не уставший после утомительного путешествия.

– Елки, это ты, – только и смогла произнести я. Все еще в телефонную трубку, да.

– Думаю, вызов уже можно завершить, – усмехнулся он.

До меня наконец дошло, что это все по-настоящему. Я торопливо засунула телефон в карман джинсов и с радостным писком повисла у Влада на шее. Сейчас меня не особо волновало, допустимо ли такое поведение для «всего лишь друзей». Я даже не могла сказать, что радовало меня больше: то, что это не маньяк, или то, что это *он* приехал сюда и разрушил мое проклятое одиночество.

Когда эмоции чуть ослабли, я впустила Влада в дом и торопливо заперла дверь. Ну, мало ли! Это его сместила моя осторожность – он просто не видел того, что видела я. Я провела его

на кухню, в гостиной мы не задержались. Мне было несколько неловко пользоваться посудой Тэмми и готовить ее кофе... Не знаю, почему. Не думаю, что она была бы против.

Даже сейчас, когда он сидел напротив меня, я не могла поверить, что он действительно рядом. Я не удержалась и коснулась его руки. Он насмешливо нахмурился.

– Прекрати в меня пальцем тыкать!

– Тогда объясни, как ты мог здесь оказаться!

– Тебя так удивляет, что у меня есть виза в США?

– Прекрати придуриваться и давай по делу!

Я была уверена, что его несколько не волнует та ситуация, в которой я оказалась. Он выглядел таким спокойным, безразличным даже! Напрасно я забыла, что Влада Ларина не так просто понять. То, что он говорит, может не иметь никакого отношения к тому, что он думает.

Ему сразу жутко не понравилась вся эта история с убитой сестрой и пропавшими племянницами. Но он, в отличие от Ксюхи, не пытался отговорить меня от поездки, потому что знал, что это невозможно. Он начал думать, как сможет мне помочь. Влад не стал объяснять, почему решил, что мне нужна помощь. Он слишком хорошо знал меня, чтобы тратить время на такое.

Он не поехал со мной сразу только потому, что его держали дела. Он управлял семейным бизнесом не в одиночку, и все же от него многое зависело. Ему потребовалось время, чтобы передать проекты и оформить себе отпуск.

– И что, твоя мать тебя отпустила? – не выдержала я.

– Я уже немного не в том возрасте, когда спрашивают разрешение у мамы.

Я не стала продолжать эту тему. Раз он сразу не сообразил, что к чему, то уже и не поймет. Даже умнейшие из мужчин порой слепы к очевидным вещам! Мне оставалось лишь догадываться, за какие места искусила себя матушка Ларина, когда он объявил, куда едет и зачем. Эх, хотела бы я на это посмотреть!

Он не предупредил меня, что планирует это сделать, потому что не определился с датами. Для него все решилось в последний момент – получилось вылететь раньше, чем он ожидал. Предварительно он связался с моим отцом и выяснил все, что тому известно. То есть, в начальной точке пути мы с ним были на равных.

Когда Влад добрался до Форт-Уэйна, его никто не встречал, однако ему это было и не нужно. Он арендовал машину, загрузил в навигатор координаты и поехал в Олд-Оукс.

– Но как ты понял, что я именно здесь, в этом доме?

– У меня было всего два варианта. Этот, признаюсь, был менее вероятным – я не думал, что ты будешь торчать на месте преступления ночью!

– Еще не ночь, – буркнула я.

– Не похоже, что ты готовилась уезжать. Я все равно приехал в город со стороны этого дома и решил проверить сначала его, а потом уже направляться в мотель – он тут один на всю дыру. Но вот я вижу свет в окнах, и знакомство с мотелем откладывается само собой. Так почему ты здесь? И не говори мне, что тебе просто нравится это местечко, я видел, что творится в гостиной.

Я никому не планировала рассказывать о своих сомнениях. Даже отцу Джозефу, который был в курсе всей ситуации и которому Тэмми бесспорно доверяла. Я знала, что он меня не поймет.

Но с Владом все было иначе. Да, мы были далеки от того идеального взаимопонимания, которое связывало нас в детстве. Однако я не верю, что люди могут кардинально измениться. Он всегда понимал меня, он знал, как я мыслю, он должен был понять, почему все странности в истории Тэмми так важны!

Он и правда слушал меня внимательно, не перебивал недоверчивыми комментариями и не пытался доказать мне, что у меня у меня уже крыша двинулась туда, куда велит гравитация.

Лишь когда я выдохлась и сделала паузу на пару глотков остывшего кофе, он сказал:

– Ты ведь понимаешь, что ты не обязана так глубоко лезть во все это?

– Нет, не официально так точно!

– И даже не должна. Кто-то счел бы, что ты мешаешь полиции.

– Нисколько, – возразила я. – Если полиция движется в правильном направлении, я не помешаю. А если они будут гнуть линию с психами, то им невозможно помешать, они и сами все прекрасно испортят!

– Не все будут думать так, как ты.

– А мне все равно! Влад, это моя сестра! Ты должен понять, потому что...

Я закрыла рот, понимая, какую оскорбительную чушь я несу, но было уже поздно. Может, слова и не прозвучали, но и ребенок догадался бы, что я хотела сказать.

Потому что у тебя тоже был брат. Вот что вертелось у меня в голове. Упоминание Андрея причиняло боль нам обоим, и мне следовало бы сдержаться, да не получилось. Хотя сравнивать Андрея и Тэмми было неправильно по всем параметрам! Влад знал своего брата всю жизнь, а я свою сестру не знала. Хотела бы узнать, но это не одно и то же. А не зная, я не могла и по-настоящему ее любить.

– Прости, – тихо сказала я.

– Пропустим этот момент, – только и ответил он. Мне бы его выдержку! – Я так понял, тебя бесполезно отговаривать лезть в это?

– Только время зря потратишь. Послушай... Я не получаю от этого удовольствия. Если бы речь шла о Тэмми, я бы, может, и сдалась. Сделала, что нужно, и вернулась в Россию. Стыдно так говорить, но врать тебе я не могу, да и бесполезно это, ты меня все равно раскусишь!

– Но?

– Но речь не только о Тэмми. Я считаю, что ее смерть напрямую связана с исчезновением Джордан и Эмили. Они мои племянницы! И они остались совсем одни... Я должна их найти.

– Как же ты планируешь это сделать?

Вот и я бы не отказалась от ответа на этот вопрос!

– Для начала разобраться бы, что произошло здесь, – вздохнула я. – Ты не представляешь, насколько странная жизнь у нее была. Идем, я покажу тебе.

Я ни на секунду не забывала, что уже поздно, мы в доме, не слишком подходящем для ночлега, и мы оба устали. Куда разумнее с моей стороны было бы вернуться к этому разговору утром. Но я просто не могла ждать! Мне казалось, что я должна выложить все карты на стол, потому что только так можно убедить Влада остаться. Проходить все это вместе с ним будет не так страшно...

Мы поднялись на второй этаж, в комнату Тэмми, где были аккуратными стопочками разложены результаты моих недавних трудов. Правда, заметила их только я. Для Влада эти скромные стопки терялись на фоне бумажного безумия, все еще царившего в спальне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.